

ЛИТОВСКИЕ ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ВѢДОМОСТИ

Годъ четырнадцатый.

Выходятъ
по
Воскресеньямъ.

13-го Юня 1876 года.

Подписная цѣна съ пересылкою за годъ 5 руб.
Отдѣльные NN Литов. Еп. Вѣд. за прошедшіе
годы и за настоящій 1876 г. по 20 коп. (марками).
Подписка принимается въ г. Вильнѣ, въ Редак-
ціи Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

№ 24.

При печатаніи объявленій, за каждую строку
или мѣсто строки взимается:

за одинъ разъ 10 коп.

за два раза 15 „

за три раза 20 „

Правительственныя Распоряженія.

— Государь Императоръ, 15-го (27-го) мая, высочайше соизволилъ утвердить всеподданнѣйшіе доклады святѣйшаго синода о бытіи первому викарію московской епархіи, епископу дмитровскому *Леониду*—архіепископомъ ярославскимъ и ростовскимъ, а викарію черниговской епархіи, епископу новгородсѣверскому *Серапіону*—епископомъ черниговскимъ и нѣжинскимъ.

Мѣстныя Распоряженія.

— 1876 года Мая 31 дня. Литовская Духовная Консисторія слушала рапортъ одного изъ благочинныхъ, съ прошеніемъ разрѣшенія у епархіальнаго начальства, съ какаго времени и въ какомъ порядкѣ слѣдуетъ приводить въ исполненіе распоряженіе начальства, относительно новаго распредѣленія приходоу. Приказали и Его Высокопреосвященство 7-го Юня за № 420-мъ утвердить: Желательно, чтобы духовенство Литовской епархіи, приступило къ распредѣленію прихожанъ по новому росписанію приходоу немедленно и привело въ исполненіе это дѣло непремѣнно къ концу текущаго года. Порядокъ же при самомъ перечисленіи прихожанъ, согласно росписанію приходоу, отъ одного прихода къ другому, должно соблюдать слѣдующій: прежде всего настоятель той церкви, отъ которой извѣстная по росписанію часть его прихожанъ должна отойти къ другому приходу, долженъ приготовить, за общаго подписью всѣхъ членоу причта, вѣрный списокъ перечисляемыхъ, потомъ пригласить настоятеля той церкви, къ которой перечисляемые должны отойти, и въ присутствіи его, въ церкви или на мѣстѣ жительства перечисляемыхъ, объявить имъ правительственное распоряженіе, вслѣдствіе котораго они перечисляются къ такому-то приходу и что отнынѣ они во всѣхъ своихъ духовныхъ нуждахъ должны обращаться въ такую-то церковь и къ такому-то священнику и наконецъ вручить новому ихъ духовному отцу подъ его росписку заготовленный списокъ и другіе документы отдѣльно въ нимъ относящіеся, гдѣ таковыя документы имѣются, послѣ чего дѣло перечисленія уже считается состоявшимся. Если бы же

въ какомъ либо приходѣ, для вразумленія недовольныхъ и для упроченія новаго порядка, оказалось нужнымъ обратиться къ гражданскимъ властямъ, то, имѣя въ виду, что новое печатное росписаніе приходоу Виленской и Ковенской губерній, въ 10 экземплярахъ по одной и другой губерніи, уже Консисторіею сообщено въ особыя тѣхъ губерній присутствія для обеспечения православнаго духовенства и что таковое же росписаніе и по Гродненской губ. въ непродолжительномъ времени будетъ тоже препровождено, въ достаточномъ количествѣ экземпляровъ и въ Гродненское губернское особое присутствіе, для передачи въ слѣзды мировыхъ посредниковъ, и слѣдовательно мировымъ посредникамъ, какъ ближайшимъ начальникамъ крестьянъ, уже извѣстно это новое правительственное распоряженіе о новомъ росписаніи приходоу, предоставить настоятелямъ церквей, или непосредственно самимъ, или же посредствомъ благочинныхъ, смотря по обстоятельствамъ, обратиться, въ нужныхъ случаяхъ, къ мировымъ посредникамъ, проси ихъ содѣйствія для приведенія въ исполненіе новаго росписанія приходоу. Чтобы при составленіи годовыхъ отчетоу и статистическихъ вѣдомостей не вышло путаницы, исповѣдныя росписанія о прихожанахъ за текущій годъ должны быть составляемы уже по новому составу приходоу и вѣдомости о числѣ прихожанъ должны согласоваться съ этими росписаніями, другіе же статистическія вѣдомости должны быть составляемы по мѣстнымъ метрическимъ записямъ на своихъ мѣстахъ, хотябы эти записи касались лицъ перечисленныхъ къ другому приходу. О семъ для надлежащаго исполненія Консисторія полагаетъ объявить духовенству Литовской епархіи посредствомъ Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей и къ свѣдѣнію сообщить въ Губернскія по крестьянскимъ дѣламъ Присутствія Виленское, Гродненское и Ковенское.

— **Перемѣненія и назначенія.** 3 Юня и. д. псаломщика Черленской церкви, Гродненскаго уѣзда, *Инатій Денисовичъ* перемѣненъ, согласно прошенію, къ Зельзинской церкви, Волковыйскаго уѣзда, на ту же должность.

— 3 Юня вакантное мѣсто священника въ гор. Брестѣ предоставлено б. учителю приходскаго училища *Константину Василевскому*.

— 3 Юня вакантное мѣсто псаломщика въ м. Ружавахъ Слонимскаго уѣзда предоставлено, согласно прошенію, священнику *Іуліану Заусимскому*.

— 5 Юня діаконъ Скидельской церкви, Гродненскаго уѣзда, *Николай Кречевскій* перемѣненъ, согласно просьбѣ, на вакантное мѣсто псаломщика къ Волковысской церкви.

— 7 Юня настоятель Горещкой церкви *Павелъ Михалевичъ* перемѣненъ, согласно прошенію, на вакантное мѣсто настоятеля къ Мотольской церкви, Кобринскаго уѣзда.

— 7 Юня настоятель Іодской церкви, Дисненскаго уѣзда, *Іоаннъ Савицкій* перемѣненъ, согласно прошенію, на вакантное мѣсто настоятеля къ Ошмянтинской церкви Вилкомирскаго уѣзда.

— 8 Юня вакантное мѣсто настоятеля при Миронимской церкви предоставлено псаломщику Кленцельской церкви *Фомъ Сobotковскому*.

— 2 Юня утверждены въ должностяхъ церковныхъ старостъ въ Яловской Крестовоздвиженской церкви, Волковыскаго уѣзда, крестьянинъ дер. Кондратовъ *Іванъ Ивановъ Родзивицъ*.

— 2 Юня къ Масалинской церкви, Гродненскаго уѣзда, крестьянинъ села Массалинъ *Павелъ Лукичъ Цигунчикъ*.

— 5 Юня утверждёнъ въ должности благочиннаго, по Щучинскому благочинію, настоятель Остринской церкви *Николай Пигулевскій*.

— 7 Юня утверждёнъ въ должности духовнаго денутата по Шавельскому благочинію настоятель Подубеской церкви *Викторъ Юревичъ*.

— 8 Юня утверждёнъ въ должности помощника благочиннаго, по Ошмянскому благочинію, настоятель Сюртонской церкви *Юліанъ Гинтовскъ*.

Мѣстные Извѣстія.

— 8 Юня за усердную и полезную службу награждёнъ набедренникомъ настоятель Вѣжецкой церкви *Петръ Котовичъ*.

— Некрологъ. 7 Марта умерла просфория Николаевской церкви, Ошмянскаго уѣзда, *Алафія Левинская* на 76 году жизни.

— **Вакансіи** — Настоятелей — въ г. *Диснѣ* — при Николаевской церкви, — въ с. *Заборнѣ* и *Годахъ* — Дисненскаго уѣзда въ с. *Горкахъ* — Кобринскаго уѣзда. Священниковъ: Псаломщиковъ: сверхъ поименованныхъ въ протоколѣ въ № 16 Л. Е. В., въ м. *Мотолѣ* — Кобринскаго уѣзда, въ м. *Глубокомѣ* — Дисненскаго уѣзда, въ *Александровской слободѣ*, въ с. *Рудникахъ* — Пружанскаго уѣзда, въ м. *Оникитахъ* — Вилкомирскаго уѣзда, въ г. *Кобринѣ* — при Петро-Павловской церкви двѣ вакансіи,

въ м. *Скидлѣ* — Гродн. уѣзда, въ с. *Василишкахъ* — Лидскаго уѣзда и въ *Вильнѣ* — при Пречистенскомъ Соборѣ.

Неофициальный Отдѣлъ.

Очеркъ исторіи Польскаго проповѣдничества до половины XVIII в.

Періодъ второй. XV вѣкъ отъ прекращенія дома Пилатовъ до Смизмунда I. Времена Яелломова.

XV вѣкъ, обильный важными событіями, которые, влияя на судьбу церкви, пробуждали повсемѣстную дѣятельность между духовенствомъ и вообще возбуждали умы къ большей дѣятельности, казался благопріятнѣйшимъ временемъ для духовной науки и проповѣди. Грозная своимъ неуклонно-быстрымъ возрастаніемъ сила магнетанства, врывающійся съ запада расколъ, ссоры и раздѣленія на папскомъ престолѣ изощряли бдительность и ревность къ охраненію чѣстности и правъ церкви. Возбуждалось къ дѣятельности въ этомъ отношеніи и польское духовенство, тѣсно связанное религію съ народностію. Поднимались голоса, призывающіе христіанъ на защиту креста, съ проповѣдническихъ кафедръ исходили запрещенія и увѣщанія противъ ученія еретиковъ, велись устные и письменные споры съ Гусситами. Полемика въ первый разъ выступила въ проповѣдяхъ и диспутахъ богословскихъ, а вызванная этимъ оппозиція способствовала быстрѣйшему возрастанію и силѣ краснорѣчія. Противники католицизма грозно вооружались и соединялись на испроверженіе владычества и авторитета римской церкви и дѣятельность ихъ тѣмъ болѣе была не безопасна, что у Гусситовъ слово Божіе могло быть проповѣдуемо какъ духовными такъ и свѣтскими лицами, имѣющими достаточную къ этому способность. Католическіе епископы съ своей стороны старались дать имъ отпоръ и ослабить ихъ вліяніе, прилагая попеченіе о живомъ словѣ Божіемъ, заботились о хорошихъ проповѣдникахъ, которые бы наставляли народъ въ своемъ ученіи. Въ 1454 г., по старанію Збигнѣва Олесницкаго, прибылъ въ Польшу, славившійся тогда на западѣ проповѣдникъ Янъ Канистранъ, который въ Краковѣ въ продолженіи осьми мѣсяцевъ, ежедневно чрезъ каждые два часа говорилъ полатыни проповѣди лѣтомъ на площади около церкви св. Войцѣха съ выставленной тамъ кафедрой, а зимою въ церкви св. Дѣвы Маріи; эти проповѣди однимъ изъ священниковъ были передаваемы польскимъ языкомъ народу (*Miechow.* подъ 1454 г.). Эти проповѣди имѣли большое вліяніе на народъ и многіе изъ юношества, оставивъ школы, нагнѣди тогда монашеское одѣяніе. Проповѣдники такого рода не рѣдко появлялись въ Польшѣ. Если прибывшій епископъ былъ не свѣдущъ въ мѣстномъ языкѣ, то онъ употреблялъ толмача, который его ученіе передавалъ мѣстнымъ языкомъ. Такой обычай сохранился отъ первыхъ вѣковъ христіанства и отъ епископовъ усвоенъ былъ и другими священниками. Мартинъ V издалъ постановленіе, чтобы краковскій архидіаконъ былъ докторомъ или бакалавромъ богословія и словесныхъ наукъ, чтобы зналъ и говорилъ по польски и въ четыре главныхъ годовые праздники, а также въ день св. Станислава проповѣдалъ въ краковскомъ соборѣ проповѣди къ духовен-

ству. Одинъ очень древній краковскій календарь упоминаетъ о иѣсоусѣ Павлѣ изъ Затора (1463 г.), который въ продолженіе сорока лѣтъ съ большими успѣхами проповѣдывалъ въ воеводской церкви, а въ знаніи польскаго языка не имѣлъ равнаго себѣ (Letow. kat. T. IV. стр. 112). Много значило то, что духовное ученіе проповѣдывалось народу на родномъ языкѣ, потому что латынь доступна была только небольшому числу ученыхъ и духовныхъ воспитанниковъ. Кромѣ того, города съ Магдебургскимъ правомъ были населены чужеземцами, и иѣмецкій языкъ былъ въ нихъ такъ обыченъ, что не только на немъ велись всѣ важнѣйшія дѣла, но онъ употребляемъ былъ даже и въ церкви. Нѣкоторые изъ монастырей еще въ XV в. держались древняго обычая, по которому только иѣмцы принимались въ число братіи. Шляхта жаловалась, что даже въ большихъ церквахъ при богослуженіи употреблялся иѣмецкій языкъ, а поляки только въ уединенныхъ каплицахъ могли слушать проповѣдь на родномъ языкѣ. Збигнѣвъ Олесницкій первый въ 1445 г. назначилъ польскаго проповѣдника къ краковскому собору. По постановленію Збигнѣва, онъ долженъ былъ имѣть степень магистра или доктора польской словесности. Въ сборникѣ постановленій издаваемыхъ были предписанія и разныя наставленія проповѣдникамъ. Войцѣхъ Ястржембець указомъ отъ 1423 г. „de modo praedicandi“ (о способѣ проповѣдыванія) требовалъ, чтобы проповѣдникъ *былъ всегда осмотрителенъ въ своемъ поведеніи*, такъ, чтобы народъ слушающій его ученіе слѣдовалъ больше примѣру его жизни, нежели тому, что слышитъ отъ него на проповѣди. „Если, говоритъ онъ, проповѣдникъ не имѣетъ въ душѣ горячей любви и она не освящается славными дѣлами, народъ презритъ его ученіе. Поэтому проповѣдники должны быть славными также въ дѣлѣ, какъ и въ словѣ, чтобы ихъ жизнію не было унижаемо слово Господне“. Ястржембець оставилъ между другими сочиненіями и сочиненіе: *de praedicatoribus et doctoribus veybi dei* (Wiszn. Hist. lit. T. V стр. 21). Подобнымъ же указомъ Николая Тромбы предписывалось проповѣдникамъ, чтобы они порицали поступки, а не личности, такъ какъ опротивели народу нѣкоторые проповѣдники, преимущественно Францискане и Диминикане, которые съ церковныхъ кафедръ дѣлали обличенія по сословіямъ и часто для посрамленія именовали личности.

Все это отвѣчало потребностямъ времени, которое само собою открывало проповѣдникамъ обширное поле и возбуждало ихъ духъ. Епископы старались возвысить и улучшить дѣло проповѣдничества. Краковская академія готовила богослововъ, свѣдущихъ во многихъ наукахъ, а путешествія за границу, преимущественно въ Италію, дополняли ихъ образованіе. Чрезвычайно важную услугу приносило также распространившееся въ то время книгопечатаніе, которое облегчало знакомство съ образцами древняго краснорѣчія и быстро распространяло произведенія извѣстнѣйшихъ проповѣдниковъ.

Не смотря однако на эти благоприятнѣйшія обстоятельства, проповѣдническое краснорѣчіе въ этотъ періодъ слабо развивалось. Препятствіемъ въ этомъ отношеніи служилъ схоластическій методъ, который употребляли даже лучшіе проповѣдники. Этотъ методъ вліялъ на форму проповѣдей, которая построилась изъ діалектическихъ тонкостей и занималась мало свойственною имъ полемикою въ толкованіи недоступныхъ для разума догматовъ. Григорій Санокскій (изъ Саможа) отзываясь о богословахъ XV в., что они, не

обладала способностью убѣжденія разума, говорили народу о томъ, чего сами достаточно не понимали, ссылаясь на авторитетъ нѣсколькихъ, заимствованныхъ ими и древнихъ отцовъ церкви, мѣтій. Онъ держался того убѣжденія, что безъ знакомства съ истинными ораторами и поэтами нельзя быть хорошимъ проповѣдникомъ, ибо, говоритъ онъ, если въ религіи дѣло больше зависитъ отъ вѣры, нежели отъ разума, если благочестивое чувство нужно возбуждать въ сердцахъ живыми и поэтическими словами, то не большое впечатлѣніе произведетъ проповѣдникъ на слушателей, если не позаимствуется отъ оратора выраженіями, а отъ поэта чувствомъ. И проповѣди новѣйшихъ проповѣдниковъ потому, говоритъ онъ, такъ сухи и безплодны, а древнихъ, какъ наприм. Иеронима и Августина, такъ живы и многоплодны, что эти послѣдніе тогда только приступали къ занятію богословіемъ и проповѣдыванію слова Божія, когда надлежащимъ образомъ ознакомились съ свѣтскими науками. Правда, продолжаетъ онъ далѣе, чтобы въ мѣстахъ, исполненныхъ истинной силы и помазанія, придать своей рѣчи красоту и занимательность, эти послѣдніе проповѣдники обращались къ вышнимъ средствамъ, къ такъ называемому вышнему краснорѣчію; но такъ какъ пользованіе этими вспомогательными средствами не отдѣлимо отъ качествъ хорошаго оратора, то важный и торжественный голосъ, приличная осанка говорящаго, живыя и приличныя движенія, при уваженіи, приобрѣтенномъ глубокою ученостью и личными добродѣтелями, снискивали имъ весьма часто славу и привлекали къ нимъ ревностныхъ слушателей слова Божія. Самая святость призванія давала имъ независимую свободу въ произношеніи, каковѣю пользуясь иногда довольно широко, они указывали пороки отдѣльныхъ сословій и личностей.

Не въ лучшемъ, однако, состояніи было тогдашнее проповѣдничество во Франціи. Оно подвержено было общимъ недостаткамъ дурнаго вкуса. Любовь, какъ христіанская добродѣтель, должна всегда и вездѣ отличать пастыря церкви. Но проповѣдники тогдашніе забывали, казалось, объ этомъ единственномъ способѣ вдохновенія, забывали, что проповѣдь должна дѣйствовать главнымъ образомъ на двѣ силы души—чувство и воображеніе. Гомиліи ихъ, наполненныя выборами изъ холодныхъ и бесполезныхъ умствованій, насильно привязанныхъ къ тексту, тщеславно блистали мѣстами изъ разныхъ свѣтскихъ писателей, заимствованіями, чуждыми библии и твореній отцовъ церкви, поставляя на мѣсто ихъ Платоновъ, Гомеровъ, Сионидовъ, въ особенности Аристотеля, котораго сочиненія читались и изучались почти наравнѣ съ книгами евангельскими. Кромѣ того, проповѣди, говореныя народу на отечественномъ языкѣ, по принятому обычаю, переводимы были на языкъ латинскій, и переводы эти, дѣлаемые обыкновенно людьми, не владѣющими надлежащимъ образомъ языкомъ Цицерона, допускали барбаризмы и погрѣшали такимъ образомъ, какъ противъ отечественной, такъ и противъ латинской рѣчи.

Итальянцы имѣли своего Савоналору, который значительно вліялъ на народъ и правительство; впрочемъ онъ больше подвизался для политическихъ идей, чѣмъ для церкви и нравственности. Наконецъ въ XV в. итальянцы не писали уже отечественнымъ языкомъ, а изъ извѣстной ихъ латинской школы не выходили хорошіе проповѣдники.

Такіе образцы не могли, конечно, принести много пользы польскому духовенству. Впрочемъ, въ произведеніяхъ образованнѣйшихъ проповѣдниковъ, которые знакомы были съ древнею литературою и краснорѣчіемъ отцовъ церкви, мож-

но замѣчать уже построение болѣе логическое, разсужденія болѣе здравыя и доступныя, слогъ очищенный отъ барбаризмовъ средних вѣковъ и значительно улучшенную латынь. На польскомъ языкѣ немного сохранилось отъ этого періода памятниковъ проповѣдничества. Проповѣди говорились на польскомъ языкѣ, но мѣстами на нѣмецкомъ, но писались онѣ, по обыкновенію, по латыни, въ особенности, когда, со времени появленія гусситскихъ сочиненій, проповѣдники обязаны были подчинять ихъ духовной цензурѣ, которою управляли болѣею частью чужеземцы.

Кромѣ того, въ этомъ періодѣ повторилось въ Польшѣ краснорѣчіе первыхъ вѣковъ христіанства. Владиславъ Ягелло самъ былъ первымъ и важнымъ апостоломъ своего времени. Онъ вознамѣрился уничтожить идолопоклонство въ Литвѣ и Жмуди и исполнялъ это дѣло съ надлежащимъ усердіемъ. При помощи архіепископа Болзанты и Иеронима Пражскаго, онъ проповѣдывалъ народу христіанское учение, чего не могло дѣлать польское духовенство, по незнанію литовскаго языка. Проходя многіе города и села, онъ предпринималъ немалые труды противъ идолопоклонства, упорно державшагося своихъ языческихъ вѣрованій. Нѣсколько дней шли обычныя приготовления, потомъ наступило крещеніе, совершенное чрезъ всеобщее окропленіе. Въ 1417 г. онъ обратился къ Жмуди, и, такъ какъ никто изъ придворныхъ не зналъ мѣстнаго языка, а литовскіе священники, слабые числомъ, не имѣли достаточно смѣлости для обращенія язычниковъ, то онъ самъ принялъ на себя обязанности апостола. Въ этомъ дѣлѣ много помогли ему *Николай Венжикъ* (*Weżyk*) проповѣдникъ доминиканскаго ордена и начальникъ области *Кинзало*, литовскій дворянинъ. Не осталось однако никакихъ памятниковъ поученій, говоренныхъ тогда народу; это было безъ сомнѣнія, простое, ученіе, подобное тому, какое проповѣдывали и первые просвѣтители Польши.

Періодъ третій. Отъ начала XVI до половины XVII вѣка. Сигизмундовскій вѣкъ.

Проповѣдническое краснорѣчіе въ Польшѣ достигло въ этомъ періодѣ высшей степени своего развитія. Эта отрасль литературы всего раньше и лучше развилась,—и обратимъ ли вниманіе на значительное число проповѣдниковъ, или на разнообразіе ихъ трудовъ, на достоинства ли проповѣди, или на вліяніе ея на общество, должны признать, что ни въ какой другой области Сигизмундовскій вѣкъ не снискалъ себѣ столько славы какъ въ этой. „Къ обильному и пышно-приготовленному столу, говорить епископъ Карнковскій, приступаемъ мы здѣсь, обращая вниманіе на то великое и почетное число проповѣдниковъ, которые въ эту эпоху украшали церковную кафедру“.

Религіозный духъ, которымъ искони дышала славянскій народъ, выработывая нравственный характеръ Поляковъ, оживлялъ ихъ духовныя силы, а развивающееся постепенно просвѣщеніе вліяло на исправленіе общественныхъ нравовъ. Этотъ духъ воспиталъ и возвысилъ религіозное краснорѣчіе, которое въ этомъ періодѣ играло важную роль очищенія народной вѣры и нравственности. Въ устахъ пастырей церкви оно служило орудіемъ для обузданія страстей, которыя при безпорядочномъ развитіи свободы, угрожали общественному порядку, оно блюло за внутренней связью народа, за братскимъ согласіемъ, за святостью договоровъ; было какъ бы цѣпью, скрѣпляющею связь короля съ народомъ, руко-

водителемъ совѣсти правителей, пословъ и выборныхъ отечества.

Цвѣтущее состояніе проповѣдническаго краснорѣчія въ эту эпоху было слѣдствіемъ тѣхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, подъ вліяніемъ которыхъ совершался въ Польшѣ общій прогрессъ. Любовь къ наукамъ, сдѣлавшаяся болѣе общою съ конца XV в., ознакомленіе съ древними ораторами, и преимущественно съ сочиненіями отцовъ церкви, при усовершенствованіи отечественнаго языка, много способствовали улучшенію церковной проповѣди, которая, оставляя древній схоластическій методъ, усвоила себѣ болѣе практическій духъ, болѣе здравый вкусъ и болѣе приличную форму. Еще предъ появленіемъ реформаціи въ толкованіи св. писанія и трудахъ многихъ ученыхъ мужей католической церкви, проповѣдничество сдѣлало большой успѣхъ. Сознаны были недостаточность и ошибочность прежней постановки школы, истинное призваніе церковнаго проповѣдника, цѣль проповѣди и ея отличіе отъ свѣтскаго краснорѣчія. Этому успѣху много способствовало ознакомленіе съ главными правилами краснорѣчія, заимствованными изъ сочиненій древнихъ, именно Цицерона и Демосфена, въ знакомствѣ съ которыми вели науки, преподаваемыя въ школахъ,—и въ особенности обращеніе къ животворнымъ источникамъ: св. писанія и твореній отцовъ церкви: изъ греческихъ—Василія Великаго, Іоанна Златоуста и Григорія Назіанзина, а изъ латинскихъ—Тертуліана, Иеронима, Августина и другихъ, отъ которыхъ проповѣдь заимствовала новыя силы и воздохнула новою жизнью. „Изслѣдуя причины процвѣтанія и упадка проповѣдническаго краснорѣчія, мы замѣчаемъ, говорить кардиналъ Маурій, что только глубокое изученіе св. писанія и древнихъ отцовъ церкви есть истинная школа для проповѣдника. Тамъ только можно научиться говорить тѣмъ исполненнымъ благоговѣніемъ, вдохновеніемъ и помазаніемъ языкомъ, который сообщаетъ устами проповѣдника то достоинство и силу, безъ которыхъ никогда не успѣемъ овладѣть мыслью и сердцемъ челоуѣка“. На этомъ пути стояло польское проповѣдничество въ XVI вѣкѣ. Слѣдуя этому правилу, многіе лучшіе польскіе проповѣдники избѣжали тѣхъ недостатковъ, которые господствовали еще въ то время въ проповѣдничествѣ на западѣ. Они были краснорѣчивы благодаря заимствованію силы отъ краснорѣчія св. отцовъ, точно такъ же какъ эти послѣдніе благодаря воспитанію и образованію себя на краснорѣчій писанія и пророковъ. Они не только старались перенять ихъ духъ, но заимствовали даже у нихъ внѣшнія формы и образъ выраженій, переносили въ свои проповѣди не только самую сущность и избранныя мѣста, но иногда даже цѣлыя гомиліи. Трудъ ихъ въ этомъ отношеніи облегчали выборы изъ гомилій древнихъ отцовъ церкви—Иеронима, Амвросія, Григорія, Оригена, Златоуста, Беды и другихъ позднѣйшихъ, извѣстныхъ на латинскомъ языкѣ. Вслѣдствіе этого появилась на церковной кафедрѣ проповѣдь практическая, убѣдительная, возвышенная при своей естественности и библейской простотѣ. Не малую услугу въ этомъ отношеніи оказывалъ и языкъ, выработанный на изясненіяхъ библіи и многихъ другихъ богословскихъ предметахъ, который водъ перомъ искуснѣйшихъ церковныхъ ораторовъ, умѣвшихъ обращаться съ греческими, латинскими и еврейскими оригиналами, еще болѣе обрабатывался и развивался, увеличивалъ свой лексиконъ и внутреннее богатство, дѣлаясь способнымъ къ выраженію болѣе глубокихъ и отвлеченныхъ мыслей и образовъ св. писанія. Вуйкъ создалъ языкъ, Сварга—библейскій слогъ, Карнковскій научилъ го-

ворить богословскія, Бялобжевскій и Верещинскій—гомилийнымъ языкомъ. Отличительнымъ признакомъ проповѣди этого періода служитъ духъ христіанскаго благочестія, сравнительная чистота ученія, —здравая и основательная логика въ изложеніи мыслей, простой, ясный и важный слогъ, колескій языкъ—гибкій, звучный и выразительный. Вообще, цѣль проповѣди была практическая, форма изложенія поучительная, способъ произношенія гомилийный, по примѣру отцовъ церкви,—общій недостатокъ—обширность и слишкомъ частыя цитаты изъ св. писанія, отцовъ и важнѣйшихъ учителей церкви.

Выдающуюся сторону церковнаго краснорѣчія этого періода представляютъ также господствующіе въ немъ духъ патриотизма и любовь къ отечеству и народности, которые замѣчаются у всѣхъ почти тогдашнихъ проповѣдниковъ. Они смѣло порицали во всѣхъ сословіяхъ пороки и преступленія, въ пророческомъ духѣ, угрожая страшнымъ судомъ Господнимъ, паденіемъ и рабствомъ. Этимъ характеромъ отличались преимущественно католическіе проповѣдники, потому что католическая вѣра, никогда не переставая быть господствующею въ Польшѣ, представляла духовнымъ ораторамъ на сеймахъ, сеймикахъ, съѣздахъ и другихъ различныхъ собраніяхъ обширное поле дѣятельности. Менѣе удобства въ этомъ отношеніи имѣли проповѣдники диссидентскіе, ограниченныя сравнительно не большимъ числомъ слушателей въ своихъ приходскихъ церквяхъ.

Что касается изложенія проповѣдей или внѣшней ихъ формы, то польскіе проповѣдники этого періода слѣдовали въ этомъ отношеніи обычаю древнихъ отцовъ церкви. Обыкновенно въ главѣ проповѣди полагали текстъ; изложенію ученія предшествовало вступленіе, за нимъ шло самое изложеніе догматическихъ истинъ вѣры; далѣе слѣдовали извлеченія изъ нихъ правила нравственности, приспособленныя къ обыденной жизни. Заканчивалось слово или бесѣда изложеніемъ сущности того, о чемъ говорилъ проповѣдникъ, или сильнымъ и сердечнымъ увѣщаніемъ. Ошибочно утверждаютъ нѣкоторые, будто Скарга первый началъ полагать тексты во главѣ проповѣди. Употребляли ихъ издавна польскіе проповѣдники, такъ же какъ молитвы и возванія; не заимствовали также отъ французскихъ проповѣдниковъ (какъ нѣкоторые думаютъ) и главную форму проповѣдей.

Проповѣди были—однѣ на праздники, другія на особые случаи,—однѣ на недѣли и годовые праздники, другія на разные крестные ходы и церковныя службы, къ которымъ относятся также поученія надгробныя. Позже вошли въ употребленіе панегрики, которыя произносились въ честь богородицы, святыхъ Господнихъ, церкви Христовой, а иногда въ похвалу отдѣльныхъ какихъ либо учреждений и монашескихъ орденовъ.

Когда реформація, подъ защитою народной свободы и вѣротерпимости, стала расширяться въ Польшѣ, проповѣдническое краснорѣчіе стояло уже на той степени развитія, при которой успѣшно могло совершенствоваться и со стороны нравственнаго вліянія приносить болѣе зрѣлый плодъ. Это важное событіе имѣло значительное вліяніе на его дальнѣйшую судьбу. Поколебленная въ самомъ основаніи церковь, не имѣла другаго способа защиты, кромѣ духовной борьбы, предоставила проповѣдь богословамъ, которыхъ обязанностию было ратовать противъ иновѣрцевъ и заслужить себѣ расположеніе въ общественномъ мнѣніи,—въ особенности, когда дѣло религіи стало дѣломъ общественнымъ, и всѣ словъ об-

щества принимали въ немъ самое живое участіе. Загорѣлись огнемъ ума,—подняла оружіе полемика.

Въ Польшѣ, гдѣ реформа близко касалась политическихъ стихій, религіозныя споры принимали тотъ самый характеръ и направленіе, какіе вообще замѣчаются въ тогдашней общественной жизни. Поддерживаемая общою свободою, свобода вѣроисповѣданій стала теперь шире, вълѣдствіе чего образовались партіи, которыя боролись то за сохраненіе прежнихъ основъ, то подъ знаменемъ религіи изъ за личныхъ видовъ. Тотчасъ къ полемикѣ примѣшались страсти, которыя, разжигая вражду, портили какъ нравы, такъ и краснорѣчіе. Этотъ, однако, поворотъ у польскихъ церковныхъ проповѣдниковъ слѣдился болѣе яснымъ въ концѣ Сигизмундовскаго вѣка, а отличительный свой характеръ принимаетъ только въ XVII столѣтіи, эпохѣ преслѣдованія иновѣрцевъ, эпохѣ діалектики и схоластическихъ диспутовъ. Проповѣдническая полемика въ XVI в. созрѣла въ Польшѣ у проповѣдниковъ Вуйка, Бялобжевскаго и Кариковскаго. Самымъ большимъ недостаткомъ полемическихъ проповѣдей было отсутствіе въ нихъ практической стороны, потому что догматика отнимала и время и мѣсто для нравственнаго ученія. Поэтому Кариковскій въ словѣ о *двоиственной церкви* жалуется на проповѣдниковъ своего времени что они, имѣя возможность преподавать народу спасительное ученіе, этого, однако, не дѣлаютъ, а часто въ своихъ проповѣдяхъ безъ всякой пользы, даже съ обидою для слушателей, забавляются искусственными, тонкими вопросами и диспуціями". Въ сущности проповѣдь не вынесла большой пользы отъ реформанъ, хотя богословскія науки получили чрезъ нее значительный успѣхъ, и польскій языкъ обработался.

Обращаясь къ проповѣдникамъ, бывшимъ на сторонѣ реформы, нельзя признать за ихъ проповѣдями того изящества и силы, какими отличались проповѣди католическихъ проповѣдниковъ. Причина этого заключается въ самомъ характерѣ протестантскаго ученія. Въ дѣйствительности, это была философская доктрина подъ одеждою христіанства. Основываясь исключительно на разумѣ человѣка и исходя изъ его сферы, она подрѣзала крылья гению и задерживала его полетъ. Подъ холоднымъ протестомъ увяла прелесть всякой красоты и изяскъ животворный источникъ тѣхъ влчній на душу человѣка, подъ которыми вѣра проникается всею силою чувства и воображенія. Отсюда и суровый характеръ проповѣди у протестантовъ. Проповѣдники ихъ, философствуя и мудрствуя въ вѣрѣ, вмѣсто согрѣванія себя ея духомъ, холоднымъ разсудкомъ измѣряли слова и, преподавая ученіе, пренебрегали всякою красою слова, не желая въ даль приведенія къ повиновенію сердецъ жертвовать истиною и убѣжденіемъ. Рей (Rej) въ своей проповѣди отвергаетъ всѣ изящныя науки, грамматику, реторику, діалектику, какъ вредныя и сбивающія съ пути спасенія. Суровые учителя, угрюмые моралисты, священники протестантскіе не могли привлекать къ себѣ слушателей. Ученіе ихъ было мертво для народа, потому что сила проповѣди не оживлялась и замирала на устахъ проповѣдника, не достигая до глубины духа. Наконецъ иновѣрныя исповѣданія, не смотря на дарованныя имъ права и привилегіи, никогда не имѣли въ Польшѣ права гражданства, для пріобрѣтенія себѣ сторонъ и веденія сильной борьбы, онѣ должны были обращаться къ внѣшнимъ средствамъ, разжигать страсти, увеличивать свои силы отвагою и бранью, что весьма часто превращало ихъ полемику въ позорную и соблаз-

нительную перебранку. Гдѣ пылъ страсти затемняетъ природный свѣтъ разума, тамъ проповѣдникъ, въ особенности религіозный, не можетъ выступить съ тѣмъ достоинствомъ, которое внушаетъ уваженіе и въ словахъ проповѣдника даетъ слышать голосъ апостола, говорящаго именемъ Бога и его закона. У протестантскихъ проповѣдниковъ этого времени можно найти однако достоинство со стороны языка. Они тщательно сохранили его чистоту, обороты и формы чисто польскіе, а нѣкоторые умѣли даже добыть изъ него новое богатство и старательно занялись его обработкою.

Къ чести польскихъ католическихъ проповѣдниковъ этой эпохи нужно сказать, что, понимая свое назначеніе и умѣя понадать всегда на вѣрную дорогу, они избирали для своихъ проповѣдей только то, что было наиболее прилично и соответствовало. Не замѣчается у нихъ тѣхъ недостатковъ, какими подвержены были тогдашніе проповѣдники на западѣ, которые обыкновенно примѣшивали къ своимъ проповѣдямъ ученіе совершенно чуждое предмету проповѣди, — темную метафизику, путающуюся въ различныхъ заблужденіяхъ или разсматривали предъ народомъ школьные вопросы, недоступные его пониманію. Проповѣдническая полемика у польскихъ проповѣдниковъ имѣла цѣлью — единственно изъясненіе спорныхъ догматовъ. Комментировались на церковной кафедрѣ греческіе и латинскіе церковные писатели для объясненія текстовъ и указанія истиннаго ихъ смысла, противъ фальшивыхъ или натянутыхъ объясненій протестантовъ.

(Продолженіе впереди.)

— 16-го мая состоялось въ Москвѣ общее собраніе православнаго миссіонерскаго общества. Изъ прочтѣннаго въ этомъ собраніи отчета о дѣятельности общества за прошедшій годъ, видно, что членовъ общества въ 1875 году было 6.670, годового дохода получено свыше 107.000 р. (сверхъ сего, церковно-кружечнаго сбора на распространеніе православія между язычниками въ имперіи до 30.000 р.), въ остаткѣ къ 1876 году было капитала неприкосновеннаго свыше 245.000 рублей, запаснаго 154.000 рублей, расходнаго 65.000 рублей, всего болѣе 464.000 р. Открыто три новыхъ епархіальныхъ комитета: симбирскій, оренбургскій и харьковскій и начаты приготовленія къ открытію въ текущемъ году комитетовъ въ городахъ моголевѣ и уфѣ. Цифра пособій, оказанныхъ обществомъ миссіонерскимъ учрежденіямъ, простирается до 96,000 р. Предметомъ особенной заботливости общества было усиленіе миссіонерской дѣятельности въ казанской епархіи. Въ Казани на средства общества открытъ частный миссіонерскій пріютъ съ специальною цѣлью приготовленія въ приходы, населенные инородцами, священниковъ, знающихъ языки и бытъ ихъ, и кромѣ того особою комиссіей при совѣтѣ братства св. Гурія составляется проектъ учрежденія при братствѣ общества переводчиковъ священныхъ книгъ на инородческіе языки. На расходы для этого ожидаемаго перевода книгъ уже ассигновано православнымъ миссіонерскимъ обществомъ по 4.000 р. въ годъ. Значительныя пособія оказаны были нѣкоторымъ миссіонерамъ сибирскихъ миссій въ ихъ нуждахъ, и для улучшенія положенія всѣхъ ихъ предположено учредить счетъ пятилѣтій ихъ службы, и чрезъ каждыя пять лѣтъ дѣлать прибавку жалованья не менѣе десятой части получаемаго ими оклада. Японская миссія въ повѣрительствѣ общества, которому она съ Высочайшаго

соизволенія поручена въ прошедшемъ году, нашла себѣ прочную опору: ей передано пособій въ прошедшемъ году чрезъ совѣтъ общества свыше 20.000 р. Но всѣ доселѣ полученные японскою миссіею изъ разныхъ источниковъ пособія, по словамъ ея начальника, приведеннымъ въ отчетѣ, только оживили надежды миссии, а не удовлетворили всѣмъ великимъ ея нуждамъ. Изъ отчетовъ, читанныхъ недавно въ годичномъ собраніи членовъ иркутскаго отдѣла православнаго миссіонерскаго общества, видно, что въ иркутскомъ отдѣлѣ миссий состояла 15 миссіонерскихъ станцій; при нихъ: 1 архимандритъ (онъ же и начальникъ миссии), 3 іеромонаха, 15 священниковъ, 2 діакона и 13 псаломщиковъ изъ туземцевъ. Обращено въ св. православную вѣру изъ идолопоклонства 1.827 чел. обоего пола, а съ принятыми православіемъ изъ другихъ вѣръ 1.844 чел. Въ забайкальской миссии, состоящей подъ управленіемъ преосвященнѣйшаго Мартиніана, епископа селенгинскаго, викарія иркутскаго, на службу состояло въ 16 миссіонерскихъ станціяхъ: 7 іеромонаховъ, 11 священниковъ, 1 діаконъ, 15 псаломщиковъ. Въ православіе обращено забайкальскими миссіонерами 502 человека изъ идолопоклонниковъ шаманскаго и ламайскаго суевѣрія. А всего обращено въ св. православную вѣру по иркутской епархіи 2.346 чел. обоего пола. На содержаніе иркутской миссии употреблено 24.343 р. 78 к. (въ томъ числѣ расходы по постройкѣ миссіонерскихъ станцій 10.334 р. 75 к. изъ специальныхъ суммъ), а на забайкальскую миссію 10.992 рубля.

„Отвѣтъ на издавную за границей брошюру: О преслѣдованіи схизматиками римско-и греко-католической церкви и ея послѣдователей.“ *)

Изъ Судовой Сами.

Въ субботу 10 н. ст. с. м. предъ судомъ присяжныхъ въ Коломыѣ состоялась публичная расправа противъ г. Михаила Бѣлоуса, владѣльца типографіи и редактора „Русской Рады“ за распространеніе брошюры подъ вышеуказаннымъ заглавіемъ. Въ составъ судоваго трибунала входили: совѣтникъ Якубовскій, яко предсѣдатель, адъюнкты Левяцкій и авскултанъ Шимоновичъ, яко вотанты и авск. Нивинскій яко протоколянтъ. Яко обвинитель выступилъ прокураторъ дрѣ Лезанскій, защитникомъ же былъ адвокатъ дрѣ Трахтенбергъ, данный обвиненному ех offiціо для того, ибо никто изъ прошенныхъ адвокатовъ не хотѣлъ принять на себе должности защитника. Принѣтими здѣсь, что въ Коломыѣ есть два русскіи адвокаты, дрѣ

*) Наша брошюра „Отвѣтъ на издавную за границей брошюру о преслѣдованіи схизматиками римско и греко-католической церкви и ея послѣдователей“, издавная въ г. Вильнѣ въ 1874 году, не прошла безслѣдно за границей. Тогда же она была перепечатана въ цѣломъ составѣ въ галиційскомъ „Словѣ“, и стала распространяться среди галичанъ. Въ нынѣшнемъ же году она привлекла на скамью подсудимыхъ въ Коломыѣ редактора „Русской Рады“ г. Михаила Бѣлоуса за ея распространеніе. Выражая полное наше сожалѣніе о неприяности невинно постигнутой нашего собрата, мы перепечатаемъ изъ „Слова“ этотъ любопытный судебный процессъ, удерживая даже и тѣ своеобразности слово-выраженія, какия въ немъ попадаются.

Редакторъ П. І. К.

Лешавскій и дръ Дембицкій (поповичъ), которые, очевидно понимая адвокатское дѣло, не хотѣли просто для того выступить яко защитники обвиненного, ибо боялись выставиться на яки-то (впрочемъ бесспорный) неприятели или гонимыя (!) со стороны полякующей партіи. Между присажными засѣло 6 евреевъ болѣею частью арендаторовъ корчмъ, обыватель Богдановичъ и 5 коломыжскихъ гражданъ.

Брошюра, которой заглавіе выше указано, появилась въ 1874 году въ Вильнѣ (въ Россіи) и въ томъ же году, безъ всякаго сопротивленія львовской п. к. прокураторіи, была дословно перепечатана въ фельетонѣ „Слова“. При концѣ минувшаго года г. Орестъ Авдыковскій, слушатель вѣденскаго университета, получилъ изъ Холма 500 экз. той же брошюры. Не зная что сдѣлать съ нею въ Вильнѣ, онъ выслалъ упомянутые экземпляры на адресъ обвиненнаго г. Михала Вѣлоуса, который привялъ адресованную до него пачку, уплативши за транспортъ 10—12 зр. Чтобы получить по крайней мѣрѣ издержки транспорта, обвиненный не зная точнаго адреса посылателя и не получивши никакого письма въ дѣлѣ поступленія съ собою брошюрою, сталъ ю продавать по 5 кр. за экземпляръ. Понеже брошюра печатана была на двухъ (польскомъ и русскомъ) языкахъ, гегемонты коломыжской Полоніи, именно же бурмистръ Задембскій, маршалъ повѣтовой рады п. Ясинскій и повѣтовый староста п. Кучовскій также купили себѣ по одному экземпляру упоминаемого „Отвѣта“. Прочитавши таковой, они нашли въ немъ, именно же въ историческихъ фактахъ, цитованныхъ изъ Морачевского, Лелевеля, Нарушевича и изъ *Voluntina Legum*, ненависть противъ польской народности и шляхты, также противъ греко и римско-католическаго духовенства. Кромѣ того обвиненный не доставилъ п. к. старосту обязательнаго экземпляра брошюры, хотя, по §. 18 закона о печати, онъ обязанъ доставляти повѣтовому старосту лишь тѣ сочиненія, которые печатаны въ его типографіи. Не различая исторію отъ теперешности, п. староста, маршалъ повѣтовый и бурмистръ постарались о конфискаціи брошюры. Въслѣдствіе того п. к. староство выслало комисара повѣтоваго гр. Руссоцкаго во главѣ комисіи, имѣющей предпринять ревизію въ жилищѣ г. Вѣлоуса и конфисковать экземпляры брошюры „Отвѣтъ“. Гр. Руссоцкій явился, забралъ изъ типографіи нѣсколькодесятъ экземпляровъ инкриминированной брошюры, но остальные же экземпляры удался въ домъ обвиненнаго, гдѣ они на стрыху—якъ самъ обвиненный гр. Руссоцкому сказали—ваходились. Станиславовская п. к. прокураторія выточила въслѣдствіе того г. Вѣлоусу процессъ, „за распространіе брошюры“, въ которой находятся уступки, подстрекающія противъ польской народности и шляхты и противъ духовенства греко и римско-католическихъ обрядовъ.

При переслуханіи обвиненный оправдывался, что онъ самой брошюры не читалъ, зналъ бо, что въ ней нѣтъ ничего иного лишь то, что безъ преплатствій со стороны львовской прокураторіи перепечатало „Слова“. Онъ не давалъ старосту обовязковаго экземпляра, зналъ бо, что австрійскія власти не запретили сей брошюры при перевозѣ черезъ границу; поступилъ онъ по §. 18 закона о печати, въ которомъ ясно сказано, что типографія обязана компетентнымъ властямъ доставляти для цензуры лишь такіе сочиненія, которые она печатала. Онъ не продалъ болѣе 20—30 экз. инкриминированной брошюры, нѣсколько же экземпляровъ забрали наборщики и ученики типографскія. Что

онъ не занимался сильно распространіемъ сего сочиненія доказываетъ уже то обстоятельство, что еще почти всѣ экземпляры брошюры находились въ забытой пачкѣ, на продажѣ же выставлено было едва нѣсколькодесятъ. То самое признали и свидѣтели (наборщики и ученики типографіи), а протоколъ, сдѣланный вѣвскимъ судомъ съ г. Ор. Авдыковскимъ и письмо послѣдняго къ обвиненному, высланное послѣ конфискации, подтверждаютъ, что г. Авд. принимаетъ на себя отвѣтственность за цѣлую брошюру, которую онъ намѣренъ былъ раздать между своими знакомыми безплатно. Если обвиненный продавалъ брошюру по 5 кр. за экземпляръ, то наступило то противъ воли посылателя. Письмо послѣдняго къ обвиненному составлено было на русскою языкѣ. Когда пришлось его читать, никто изъ членовъ трибунала, засѣдающихъ при расправѣ, не былъ въ состояніи письма (г-нъ Авдыковскій пишетъ весьма четко) русскаго перечитать. Понеже цѣлый трибуналъ не умѣлъ русскаго письма прочесть, призвано до сей функціи дюрниста, но и тотъ—какъ оказалось—зналъ мало болѣе, нежели п. к. судья, дѣйствующій въ русскомъ краѣ и для русскаго народа. Въ концѣ самъ обвиненный нашелся вынужденнымъ относительно русское письмо прочесть.

По прочтеніи протокола, сдѣланнаго гр. Руссоцкимъ, въ настоящую пору вступающимъ повѣтового старосту въ одномъ изъ мазурскихъ повѣтовъ, забралъ голосъ прокураторъ, дръ Лешавскій. Прежде всего призналъ онъ важность печати, какъ періодической, такъ и неперіодической, указавъ на ея благополучное и вредное дѣйствіе, какое можетъ нанести тогда, если подстрекаетъ однихъ жителей противъ другихъ. Приступая къ инкриминированной брошюрѣ, прокураторъ призналъ, что авторомъ „изданной за границей“ брошюры, на которую отвѣчено въ инкриминированной брошюрѣ, есть п. Млоцкій. Извѣстенъ онъ какъ человѣкъ честный и весьма уважаемый. П. Млоцкій писалъ правду, ибо брошюра его составлена на основаніи дописаній краевыхъ (польскихъ) и нѣмецкихъ (ультрамонтанскихъ) дневниковъ. Опроверженія, заключающіяся въ инкриминированной брошюрѣ, несправедливы. Брошюру (инкриминированную) для того прислано въ Коломыю, ибо Коломыжщина есть тѣмъ клиномъ, который граничитъ въ Россію, Буковину и шадьярскими Славянами, для того здѣсь легко распространити „шизму“. Въ Коломыи уформовалось „гнездо православія“, изъ котораго распространяется давящій насъ ядъ. Но за нашими плечами развивается агитация, имѣющая цѣлью нарушить соціальныя отношенія. Тою (инкриминированною) брошюрою кормится молодежь и „почтительный людъ“. Вспоминается тамъ о „выузданной“ шляхтѣ, о запрещеніи звонити въ православныхъ церквяхъ; говорится тамъ о постройкахъ церквей православныхъ лишь при брудныхъ жидовскихъ сигналахъ, о закрытіи церквей и объ арендѣ ихъ жидамъ. Все то неправда, ибо сами жиды на то не были бы согласились. Брошюра та издана исключительно лишь для агитации противъ шляхты и народности польской, противъ греко и римско-католическаго духовенства, ибо, хотя имѣетъ 8 листовъ печатныхъ, продавалась лишь по 5 кр. Брошюра та печатана въ Вильнѣ или гдѣ, ибо самая пересылка ея въ Коломыю стоила бы столько, сколько можно бы получить продавши всѣ экземпляры брошюры. Она предназначена для селянъ, ибо то сословіе можетъ еще наискорнѣ сфанатизоваться. Нѣтъ доказательствъ, что брошюра въ Вильнѣ печатана, а на заглавіи для того напечатано Вильно, ибо въ цѣлой брошюрѣ содержится пропаганда противъ духо-

ведства, шляхты и жидовъ. „Слово“ для того не конфисковано, ибо переслѣвлено. Если же одного преступника (złoczyńce) освобождено, то еще не слѣдуетъ другого освобождать. Есть то батерія, стремящаяся къ тому, чтобы всѣ социальныя отношенія разбились. Если присяжные освободятъ обвиненного, онъ будетъ распространять еще больше такой науки.

Обвиненный, забравши голосъ, запротестовалъ противъ мѣрнѣя г. прокуратора, будтобы брошюра та печатана была въ Коломѣ.

Защитникъ обвиненнаго д-ръ Трахтенбергъ въ самомъ началѣ своей рѣчи замѣтилъ, что прокураторъ совсѣмъ не оправдался, по какимъ поводамъ брошюра та, дословно отпечатанная въ „Словѣ“, не была во Львовѣ конфискована. Когда „Слово“ брошюру ту перепечатывало, прокураторъ былъ тогда во Львовѣ и дѣйствовалъ какъ членъ львовской прокуратуры, а когда тамъ перепечатанье брошюры въ газетѣ свободнымъ призналъ, здѣсь выступаетъ противъ ней. Переслѣвити того фельетона не можно было, ибо статья та (брошюра) перепечатывалась даже въ 12 номерахъ „Слова“. За плечами обвиненный не распространялъ той брошюры, ибо прокуратура такую перепустила. Впрочемъ обвиненный, на запросъ гр. Руссоцкого, предпринимавшаго ревизію, сейчасъ сказалъ, что всѣ остальные экземпляры брошюры находятся у него въ домѣ. Тайно онъ также брошюры не продавалъ, ибо продалъ 4 экземпляры посѣдателю книжной лавки, который также могъ заниматься публично ея распродажею. Простой сельскій людъ брошюры той не пойметъ, ибо какъ по польски такъ и по (велико) русски онъ хорошо не понимаетъ. Пойметъ то лишь интеллигентный человекъ, который, зная исторію, не дастся въ обманъ. Старосту выслати обовязковый экземпляръ обвиненный не имѣлъ права, ибо §. 18 закона о печати того не постановляетъ.

Забравъ затѣмъ опять голосъ прокураторъ и доказывалъ, что селіе русскіе понимаютъ по польски, ибо получая польскія цитации являютъ предъ судомъ. Потомъ снова сталъ онъ разводитися объ опасности „шизмы“ и о томъ, что брошюра подстрекала также противъ жидовъ, ибо святое мѣсто подлѣ синагоги назвала бруднымъ и сказала мужику, что жиданъ отдавано церкви въ аренду. Вконцѣ прокураторъ предполагалъ, что и событія на Востокѣ столѣть—можетъ быть—также съ тѣмъ въ связи и можно надѣяться въ короткое время у насъ того рода событій.

Защитникъ, ссылаясь на послѣднюю рѣчь прокуратора, сказалъ, что послѣдній, т. е. прокураторъ, самъ своею жалобою причиняется къ подстрекавію умовъ.

Присяжнымъ поставлены были два вопроса: 1) Винавать ли г. М. Вѣлусъ, что распродалъ въ 1875 г. изданную 1874 г. въ Вильнѣ брошюру „Отвѣтъ“ и пр., подстрекающую противъ лат. и униатскаго духовенства, также противъ польской народности и шляхты? 2) Винавать ли обвиненный, что не доставилъ ц. к. старосту обовязковаго экземпляра брошюры?

На первый вопросъ присяжные 7 голосами сказали „такъ“, а 5 нѣтъ. Попеже обвиненный тогда приговаривается, когда 8 или больше голосевъ скажутъ „такъ“, а 4 или меньше „нѣтъ“, затѣмъ относительно перваго во-

проса онъ признанъ невиновнымъ. На второй вопросъ присяжные одногласно сказали „такъ“, вѣдствие чего судовой трибуналь, смотря на многія лагодящія обстоятельства, приговорилъ обвиненного къ уплатѣ 10 зр. кары.

— Въ разрѣшеніе недоумѣній: **позволительно ли вѣнчать браки тотчасъ послѣ утрени, т. е. до начала литургіи**, Таврическое епарх. начальство постановило: дать знать духовенству епархіи, дирдулярно, что для совершенія таинства брака церковь признаетъ приличнымъ и благоприятнымъ временемъ время послѣ Божественной литургіи; потому что въ это время брачующіеся могутъ принимать таинство еще прежде вкушенія пищи.

(Тавр. еп. вѣд.).

— 13-го мая, по словамъ „Виржевыхъ Вѣдомостей“, скончался въ Баденъ-Баденѣ отъ чахотки Константинъ Игнатьевичъ Нѣмшевичъ, принимавшій одно время дѣятельное участіе въ журналѣ „Время“, во время редакторства покойнаго М. М. Достоевскаго. Нѣмшевичъ воспитывался сначала въ Литовской духовной семинаріи, потомъ въ петербургской духовной академіи, а затѣмъ, перейди на юридическій факультетъ тамошняго университета и получивъ въ немъ степень кандидата правъ, поступилъ на службу въ департаментъ мануфактуръ и торговли, въ которомъ служилъ до самой смерти. Въ журналѣ „Время“ онъ велъ политическое обозрѣніе, обращавшее на себя вниманіе своею талантливостью.

Содержаніе № 24.

ПРАВИТЕЛ. РАСПОРЯЖЕНІЯ. Перемѣны въ іерархіи-МѢСТНЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ. Указъ Консисторіи касательно распредѣленія приходоувъ. Назначенія и перемѣненія. МѢСТНЫЯ ИЗВѢСТІЯ. Награда. Некрологъ. Вакансія. НЕОФФИЦ. ОТДѢЛЪ. Очеркъ исторіи польскаго проповѣдничества до половины XVIII в. Общее собраніе миссіонерскаго общества въ Москвѣ. Отвѣтъ на брошюру... Можно ли вѣнчать браки между утренней и литургіей. Некрологъ.

Предыдущій № сданъ на почту 6-го Іюня.

Редакторъ, Протоіерей Іоаннъ Котовичъ.